

И.Л. Набок, С.Е. Сэрпиво

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
наб. Реки Мойки, 48, Санкт-Петербург, РФ
E-mail: inabok@yandex.ru
Научный центр изучения Арктики
ул. Республики, 73, Салехард, 629008, РФ
E-mail: stella_serpivo@mail.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ НЕНЦЕВ К НАЧАЛУ XXI в.

Статья посвящена рассмотрению условий и факторов трансформации женского пространства в традиционной культуре ненцев Ямала к началу XXI в. Отмечается, что влияние социально-экономических и культурных трансформаций в современном обществе способствует деформации традиционной системы жизнеобеспечения, проникновению нетрадиционных элементов в жизнь коренного населения. Работа опирается на данные авторского социологического исследования, проведенного в 2012 г. на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (Тазовском, Ямальском, Пуировском, Шурышкарском, Приуральском и Ныдымском районах). В качестве одного из основных факторов указанной трансформации рассматривается образование, в частности повышение образовательного уровня женщины, приводящее к большей экономической независимости и изменению положения ненецкой женщины в семье. В качестве фактора трансформации женского пространства традиционной ненецкой культуры исследуются также изменения в ритуально-обрядовой культуре, в частности обрядах жизненного цикла (свадебном и родильном), а также межэтнические браки, связанные с интенсификацией промышленного освоения территорий традиционного природопользования ненцев.

Ключевые слова: традиционная культура, женское пространство культуры, гендерный подход, трансформация, образование, ненцы, этническая идентичность, статус, межэтнические браки.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-110-117

Введение

Сохранение и устойчивое развитие коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока остается одной из приоритетных для России задач, решение которой в значительной степени зависит от понимания этнической специфики, особенностей этнокультурогенеза каждого из народов, объективного анализа причин и условий происходящих сегодня социокультурных трансформаций. На примере ненцев — самого крупного из коренных малочисленных народов Севера — стало очевидно, что сохранение народа, его языка и уникальной культуры зависит прежде всего от сохранения и развития выработанной столетиями традиционной системы жизнеобеспечения. В данном случае — оленеводческого хозяйства, которое может рассматриваться как системообразующий стержень традиционной культуры ненецкого народа, определяющий и обеспечивающий его жизнь и функционирование составляющих элементов его культуры. Только системное понимание традиционной культуры позволяет понять смысл, характер и направленность происходящих в этносоциуме в целом и в каждом из его компонентов изменений, трансформаций. Здесь особое значение приобретает исследование пространства традиционной культуры. По словам известного отечественного культуролога А.Я. Флиера, «культурная традиция (устойчивость) по существу воплощает собой культурное пространство. Именно по ареалу доминирования какой-либо традиции определяются границы распространения той или иной локальной культуры» [2016].

К числу наименее изученных компонентов традиционной культуры ненцев, несомненно, относится ее женское пространство, подвергшееся к началу XXI в. серьезным трансформациям. Этим и определяется актуальность данного исследования. В работе использован гендерный анализ и сравнительно-исторический метод.

Трансформация женского пространства традиционной культуры ненцев к началу XXI в.

Изучение женского пространства в традиционной культуре предполагает анализ становления и изменения социокультурного статуса женщины в единстве с анализом особенностей, уровней и характера происходящих в нем трансформаций. Такое исследование имеет не только «узко этнические» (относящиеся только к данному этносу), но и общие для российского общества смысл и значение. Это обусловлено тем, что сохраняющиеся в регионах Севера, Сибири и Дальнего Востока этносоциумы и традиционные культуры, сформировавшиеся в экстремальных природных условиях, оказываются сегодня в ситуации глобального экологического кризиса, высоко презентативными по отношению к развитию человеческой цивилизации в целом, позволяют глубже осмыслить границы, пределы и возможности жизнедеятельности человека.

Анализ этнографической литературы, посвященной культуре ненцев (с конца XIX в. по настоящее время), показывает, что гендерная проблематика представлена в ней явно недостаточно. Тема «гендерного сдвига» у коренных народов Севера исследована в работах А.Г. Поповой [2004]; Е.В. Лярской [2010]. Проблема влияния межнациональных браков ненцев на этнодемографические процессы затронута в работах Ю.Н. Квашнина [2002], Ю.Н. Квашнина и Е.А. Волжаниной [2003], Е.А. Волжаниной [2010]. Роль ненецкой женщины в науке рассмотрена в статье Г.П. Харючи [2010].

Образование как фактор трансформации женского пространства

Влияние социально-экономических и культурных трансформаций в обществе способствует, с одной стороны, определенной деформации традиционного уклада жизни, с другой — модернизации, связанной с проникновением в жизнь коренного населения нетрадиционных элементов культуры. Подобно тому, как изменяется традиционная культура, трансформируется и ее гендерное пространство. Серьезность указанных изменений позволила Е.В. Лярской обозначить их как «гендерный сдвиг» [2010, с. 3]. Одним из основных факторов трансформации женского пространства в ненецкой культуре выступает образование. Об особой значимости образования в трансформационных изменениях этнической культуры коренных малочисленных народов Севера писал А.А. Бурыкин, указывая на решающую роль системы интернатского образования 1950–1960-х гг. [2002].

Данные проведенного нами в 2012 г. исследования на территории Ямало-Ненецкого автономного округа (Тазовском, Ямальском, Пуровском, Шурышкарском, Приуральском и Ныдымском районах) свидетельствуют, что 41,8 % респондентов из 400 опрошенных женщин имеют начальное или неполное среднее образование — все они в основном ведут кочевой образ жизни; среднее общее образование получили 26,7 %; среднее специальное — 18 %; незаконченное высшее и высшее образование имеют 13 % — все они проживают в населенных пунктах. Лишь двое из общего количества опрошенных не получили даже начального образования (0,5 %).

Выбор профессии для девушек из числа представителей коренных малочисленных народов Севера в значительной степени предопределен традицией — воспитатель детского сада или школы-интерната, учитель, фельдшер, медицинская сестра. В сфере образования (учителя начальных классов, дополнительного образования, воспитатели) работают 15 % опрошенных — все они проживают в населенных пунктах. Среди прочих категорий (28 %) — медицинские работники (врачи, фельдшеры, медицинские сестры, санитарки), студенты, пенсионеры, продавцы, технические служащие и т.д. В структурах законодательной и исполнительной власти Ямало-Ненецкого автономного округа они почти не представлены. Юноши обычно выбирают профессии зоотехника, государственного служащего, юриста, водителя и др.

При изучении различных аспектов современной ненецкой культуры исследователи часто акцентируют внимание на маргинализации молодежи и нежелании возвращаться после окончания школы к традиционному образу жизни. В ходе работы с информантами нам удалось выяснить, что многие матери сами против того, чтобы их дочери возвращались к кочевому образу жизни, связанному с тяжелым физическим трудом, холодом, отсутствием бытовых удобств. В то же время дети, проживающие в городе (поселке) и добившиеся определенного профессионального уровня, являются для родителей предметом гордости (рис. 1).

С другой стороны, в молодежной среде существует и обратная тенденция — стремление вернуться к своим корням, народным традициям. Так, в фактории Лаборовая действует авторская школа с этнокультурным компонентом, созданная писателем, педагогом Анной Павловной Неркаги. В основе концепции школы — передача векового опыта народа посредством обучения

и игры. В народной педагогике ненцев игра — основной вид деятельности ребенка, в процессе которого он получает ценные умения и навыки, необходимые во взрослой жизни. У него развиваются память, внимание, мышление, воображение, воспитываются чувство ответственности, самостоятельность, чувство уважения и взаимопомощи. В обучающих играх формируются творческие и интеллектуальные способности учащихся. В основе деятельности школы А.П. Неркаги лежит организация учебно-воспитательного процесса на основе особенностей труда оленеводов, рыбаков, охотников. «В учебный план школы,— отмечает А.П. Неркаги,— была заложена трудовая и профессиональная подготовка с привлечением наставников, которые учат детей народным ремеслам и промыслам. Материально-техническая база трудового и профессионального обучения вышла за пределы школы: стойбище, места кочевья и проживания наставников. У девочек и мальчиков большая потребность научиться всему тому, чем владеют наставники. Для девочек — это владение умениями и навыками хранения домашнего очага, для мальчиков — уметь пасти оленей, ухаживать за ними, охранять от волков, умение развести костер в тундре, изготовление и ремонт нартов, ловля рыбы и др.» [Неркаги, 2007, с. 34–35]. Как мы можем заметить, в этой школе учат детей ориентироваться и в традиционной среде (рис. 2), и в современном социокультурном пространстве. Но это пока единичный опыт. При этом следует отметить, что сегодня у ненецкой девушки есть право выбора: получив образование, вернуться к традиционному образу жизни и реализовать себя в качестве продолжательницы рода, хозяйки «очага» или работать в здравоохранении, образовании, науке и других сферах.

Рис. 1. Студенты на каникулах у родителей, Сеяхинская тундра, 2012 г. Фото С.Е. Сэрпиво.

Повышение образовательного уровня и, как следствие, экономическая независимость женщины приводят к более демократичным отношениям внутри семьи. Подобный вывод мы можем сделать только относительно ненцев, проживающих в сельской местности, но сохраняющих традиционный менталитет. Распределение семейных ролей и обязанностей здесь явно опровергает стереотипную точку зрения, касающуюся «бесправности» ненецких женщин. Из 318 чел. опрошенных (состоящих в браке, как в официальном, так и в гражданском) только 30 % считают, что ненецкая семья по укладу патриархальная: мужчина глава семьи и решения по важным вопросам принимает только он. Половина опрошенных женщин (54 %) считают, что все важные вопросы должны обсуждаться супругами совместно. А 16,7 % замужних женщин считают себя главами семей. Основным добытчиком, по мнению большинства опрошенных женщин (70 %), является супруг. Лишь 30 % респондентов считают, что роль основного добытчика принадлежит женщине.

Процессы, происходящие в современном обществе, в целом благотворно сказываются на социально-экономическом положении ненецкой женщины. Изменились и особенности реализа-

Трансформация женского пространства традиционной культуры ненцев к началу XXI в.

ции наследственных прав. Если исследователи раннего периода отмечали, что у северных народов вдова не имела права на состояние умершего мужа, то сегодня «обычное право», бывшее у многих северных народов, постепенно оттесняется современными юридическими нормами и законодательными актами. Вдова с детьми являются основными наследниками состояния умершего мужа.

Рис. 2. Сушка хлеба для длительного хранения — девочки за работой. Сеяхинская тундра, 2011 г. Фото У.П. Сэротэтто.

Особенности трансформации обрядов жизненного цикла

Сопоставляя имеющийся в научной литературе материал с данными, полученными в ходе нашего исследования, нельзя не заметить, что существенным фактором трансформации женского пространства культуры стали изменения в ритуально-обрядовой культуре. Так, значительной трансформации подвергся традиционный *свадебный обряд* ненцев. Характерно, что многие жительницы как села, так и тундры предпочитают выходить замуж согласно современным традициям, без соблюдения ненецкого обряда (торжественная регистрация в органах ЗАГС с последующим застольем в кафе или дома) — об этом заявили почти половина опрошенных женщин (46 %). Здесь наблюдается и некоторое смешение традиций: совершается «выкуп невесты», распространенный в традиционном свадебном обряде русскоязычного населения. Выявлено, что 37 % респонденток, ведущих кочевой образ жизни, при выходе замуж строго соблюдали ненецкий обычай, а 17 % предпочли совместить традиционный обряд с элементами современной свадьбы. Свадебный обряд кочевого населения на сегодняшний день по результатам исследования представлен следующими формами:

— с элементами сватовства: жених спрашивает разрешения у родителей невесты, при этом соблюдаются институт приданого и выкуп невесты. Регистрация брака в органах ЗАГС происходит спустя какое-то время (месяц, год) или после рождения ребенка;

— с элементами брака умыканием: невесту крадут (с ее согласия), затем происходит официальная регистрация брака в органах ЗАГС.

Практически полностью исчез комплекс действий, связанных с *под'пя* — центральным моментом традиционного свадебного обряда как обряда перехода, когда аргиш невесты должен проехать через ворота, сооруженные из палок. О разрушении института приданого и выкупа как основных элементов ненецкого традиционного свадебного обряда пишет Г.П. Харючи [2001, с. 129].

Немаловажным в традиционной культуре по своей значимости остается *родильный обряд*. Наблюдается «выпадение» некоторых его частей, что продиктовано изменившимися обстоятельствами. Например, «допупковый» период младенца проходит в больнице, соответственно

относящиеся к этому этапу ритуалы сакрального очищения и отдаривания Богини Я'Миня выпадают или проводятся со сдвигом во времени, т.е. спустя месяц после родов, по возвращении домой. Исследование показало, что 68 % респондентов при рождении ребенка соблюдали все обычаи традиционного родильного обряда ненцев, причем их в два раза больше среди женщин, проживающих в тундре. Не знают их 10 % опрошенных, а 11 % не соблюдали указанный обряд, так как не придают ему значения (жительницы села). Затруднились ответить 11 %.

Многие женщины, проживающие в селе или на рыбучастках, несоблюдение родильного обряда объясняют не столько отступлением от традиций или их незнанием, сколько отсутствием условий для его проведения. Это, например, неимение оленя, необходимого в качестве жертвы для обряда *сю'хан* (посвященного отпадению пуповины ребенка), смеси *торабт* (состоящей из кусочка бобровой шкурки, высушенной кишки оленя) или *тюнаць* (чаги) для сакрального очищения. Характерно, что практически все опрошенные ненецкие женщины заявили, что рожали в больнице. Лишь в одном случае женщина по ряду каких-то причин предпочла рожать своих детей в тундре.

Рассмотренные нами обряды жизненного цикла (свадебный и родильный) являются неотъемлемой частью традиционной ненецкой культуры. Именно в традиционном родильном обряде наиболее ярко видно «сокращение» сферы деятельности женщины в духовной культуре. Женщины уже давно рожают в роддомах, повивальная бабка сменилась врачом-акушером, вместе с ней исчезли из традиционной культуры выполнявшиеся ею сакральные функции.

Анализируя данные, полученные в ходе исследования, можно сделать вывод, что соблюдение традиционных обрядов зависит не столько от местожительства респондента, сколько от его мировоззрения, от осознания смысловой значимости обрядов. Их сохранение напрямую связано со своевременной передачей знаний старшими новым поколениям молодежи.

Межэтнические браки как фактор трансформации женского пространства традиционной культуры

Трансформации женского пространства в современной ненецкой культуре способствуют межэтнические браки ненцев. Тема межнациональных браков ненцев с представителями других этносов для ЯНАО достаточно актуальна, так как территория интенсивного газового освоения привлекательна для мигрантов из других регионов страны.

Согласно проведенному нами исследованию, наибольшее число смешанных браков наблюдается в Ямальском районе (с. Яр-сале, п. Сеяха) — 24 из 121 семейной пары. Наименьшее число — в Тазовском районе (поселки Тазовский, Гыда, Антипаюта); из опрошенных там 82 замужних женщин только 6 были замужем за представителями другой национальности. Одна из причин, предполагаем, состоит в удаленности данного района, сложной транспортной системе.

Важным фактором заключения подобных браков, очевидно, стала диспропорция полов, т.е. несоответствие числа женщин и мужчин репродуктивного возраста в населенных пунктах. Выявлено, что в межнациональные браки у ненцев чаще вступают женщины. Мужчины-ненцы отдают предпочтение мононациональному браку. Чем это обусловлено? Во-первых, разницей в уровне образованности и вызванной этим боязнью ненецких мужчин не соответствовать своей «второй половине». Как правило, уровень образованности молодых людей в поселках не выше среднего специального, тогда как девушки зачастую заканчивают высшие учебные заведения. Во-вторых, для девушек «престижен» брак с «русскими»¹. В качестве мужей ненецкие девушки избирают русских, удмуртов, коми, украинцев, татар, хантов, башкир, марийцев, таджиков и др.

Большую роль в подобных семьях играет образовательный уровень супруги, который часто выше, чем у супруга. Как следствие, она занимает более оплачиваемую должность. В подобных семьях происходит деформация социальных ролей: женщина может обеспечивать финансовую сторону, а мужчина занимается домашними делами. Тогда как в исконно традиционной ненецкой культуре женщина — хозяйка чума, а мужчина — добытчик. Супруг может даже пойти в отпуск по уходу за ребенком, так как заработная плата жены выше, чем у мужа, и семья может потерять часть доходов.

Предлагаем выделить следующие типы смешанных браков ненцев:

— с представителями северных народов (ханты, коми-зыряне, селькупы). Это самые устойчивые браки. Брачные союзы между представителями различных северных народов были распространены издавна (см., напр.: [Волжанина, 2010, с. 264–283]). В этом отношении показате-

¹ Под «русскими» ненцы подразумевают все пришлое население.

Трансформация женского пространства традиционной культуры ненцев к началу XXI в.

лен Приуральский район ЯНАО, который представляет собой историческую зону активного взаимодействия коренных народов Севера, что отражено и в топонимике, и в хозяйственной деятельности. В старину межэтнические браки с представителями соседних народов заключались ненцами для улучшения генетического потенциала, «для обновления крови». Устойчивости таких браков способствует схожая ментальность;

— браки с «русскими». Подобные браки относительно устойчивы, так как заключаются в основном в населенных пунктах. Сама европейская культура, по нормам которой живут ненцы в поселково-городской среде, называется *луца' ил*, что в переводе означает «русская жизнь». Русско-ненецкие браки стали обычным явлением в 1970–1980-е гг.;

— браки с трудовыми мигрантами (киргизы, таджики, узбеки, турки). Такие браки стали появляться в последнее десятилетие и относятся к самым нестабильным. К ним чаще применим термин «временные». Подобные союзы удобны для молодых мужчин, приехавших для временного трудоустройства, что оказывается хорошей альтернативой проживанию в рабочем общежитии. Часто причиной, по которой представители данных национальностей вступают в браки с ненками, является желание получить вид на жительство. Для такой семейной пары характерны: низкий уровень образования супруга-мигранта; финансовая нестабильность ввиду того, что муж обеспечивает родственников на родине, чаще — вторую семью; неуважительное отношение со стороны супруга к ненецким традициям, кочевому образу жизни. Из бесед с информантами: неуважение проявляется в «нежелании впускать в дом родственников жены», «брезгливости» и др. Бывали случаи, когда родителей супруги не впускали в дом, они вынуждены были ночевать на нартах под открытым небом. Данные браки вызывают негативное отношение со стороны односельчан.

Межэтнические браки имеют свои плюсы: во-первых, это улучшение генетического потенциала народа, а во-вторых, отсутствие межэтнических конфликтов, стирание межкультурных границ. Но есть и минусы. Одна из проблем, возникающих в смешанных семьях, это сложность этнической самоидентификации детей. Зачастую дети от подобных браков в младшем и подростковом возрасте, противопоставляя себя детям из интернатов, считают себя русскими. По мере взросления у некоторых из них происходит кризис идентичности — они начинают осознавать себя ненцами. Другая проблема, являющаяся следствием распада подобных браков, — неполная семья, состоящая из матери и ребенка. Причем отсутствие отца в подобных семьях стало расцениваться как норма. Из опрошенных нами женщин с детьми 8,8 % являются одинокими матерями (почти каждая десятая!), все они проживают в населенных пунктах. Наконец, третье (самый большой минус) — частичная утрата родного (ненецкого) языка в этнически смешанных семьях.

Заключение

Анализ показал, что трансформации женского пространства традиционной культуры ненцев обусловлены прежде всего изменениями социокультурного статуса женщины. К числу основных факторов указанных трансформаций следует отнести образование. Включение в хозяйственно-экономическую жизнь региона как следствие повышения образовательного уровня позволяет женщине быть экономически более независимой от мужа, что в дальнейшем приводит к «демократизации» отношений внутри семьи. В то же время нет оснований говорить о наступлении «полной эмансипации» ненецкой женщины, так как в определенной степени сохраняется этнический стереотип женского поведения, складывавшийся на протяжении столетий в рамках системы традиционного жизнеобеспечения и выполнявший, помимо прочего, важнейшую охранительную функцию по отношению к женщине. Существенным фактором трансформации женского пространства традиционной культуры, как показало исследование, стали изменения ритуально-обрядовой культуры, ее модернизация, детрадиционализация, приводящие к отказу от некоторых значимых компонентов обрядности, прежде всего обрядов жизненного цикла (свадебного и родильного). В результате происходит существенное «сокращение» женского участия в сакральной сфере культуры, «сжатие» духовной сферы женского пространства культуры. Наконец, анализ разных типов смешанных браков показал, что традиционные для ненцев экзогамные нормы нарушаются в большей степени по инициативе женщин; очевидно, в населенных пунктах это связано с диспропорцией полов, т.е. с несоответствием числа ненецких женщин и мужчин репродуктивного возраста. Данное исследование не исчерпывает проблему формирования современной культуры ненецкой женщины, развития и трансформации женского про-

странства ненецкой культуры, но должно инициировать дальнейшую исследовательскую работу в данном направлении.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Источники

Материалы социологического исследования С.Е. Сэрпиво, 2012 г. (Тазовский, Ямальский, Приуральский, Надымский, Пуровский, Шурышкарский р-ны ЯНАО).

Литература

Бурькин А.А. Некоторые проблемы социокультурного развития малочисленных народов Севера РФ в свете гендерного подхода // Расы и народы. М.: Наука, 2002. Вып. 28. С. 188–213.

Волжанина Е.А. Этнодемографические процессы в среде ненцев Ямала в XX — начале XXI века. Новосибирск: Наука, 2010. 312 с.

Квашнин Ю.Н. Этнодемографическая характеристика населения Ярсалинской сельской администрации Ямало-Ненецкого автономного округа (2001 г.) // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень, 2002. С. 47–50.

Квашнин Ю.Н., Волжанина Е.А. Некоторые аспекты этнических процессов у коренного населения низовьев р. Ныда // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. С. 82–85.

Лярская Е.В. Женщины и тундра: Гендерный сдвиг на Ямале? // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 3–38.

Неркаги А.П. Этническая школа: (Материалы из опыта работы семейно-родовой этнической школы ф. Лаборовая Приуральского района). Салехард: ГОУ ДПО ЯНОИПКРО, 2007. 38 с.

Попова А.Г. Женщины Северных меньшинств: Между стойбищем и городом // Л.И. Винокурова, А.Г. Попова, С.И. Боякова, Э.Т. Мьяриянова. Женщина Севера: Поиск новой социальной идентичности. Новосибирск: Наука, 2004. С. 163–187.

Флиер А.Я. Культура как пространство и время социального бытия [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <http://cult-cult.ru/culture-as-space-and-time-of-social-being>.

Харючи Г.П. Ненецкая женщина в науке: К вопросу об особенностях исследования сакральной сферы // ЭО. 2010. № 3. С. 44–53.

I.L. Nabok, S.E. Serpivo

Herzen State Pedagogical University of Russia
 Moika emb., 48, St. Petersburg, Russian Federation

E-mail: inabok@yandex.ru

Arctic Research Center

Respubliki st., 73, Salekhard, 629008, Russian Federation

E-mail: stella_serpivo@mail.ru

**TRANSFORMATION OF THE FEMALE SPACE IN THE TRADITIONAL NENETS CULTURE
UP TO THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY**

The paper addresses conditions and factors of transformation of the female space in the traditional culture of the Nenets of Yamal up to the beginning of the XXI century. It is noted that the impact of socio-economic and cultural transformations of the modern society contributes to the deformation of the traditional life supporting system and the penetration of non-traditional elements into the life of the indigenous population. The work is based on the data of the author's sociological research conducted in Yamalo-Nenets Autonomous District (Tazovsky, Yamalsky, Purovsky, Shuryshkarsky, Priuralsky and Nadymsky areas). Education is considered as one of the main factors of this transformation, in particular, an increase in educational level of women, leading to greater economic independence and a change in the position of the Nenets women in the family. Changes in ritual and ceremonial culture are studied as factors of transformation of the female space in the traditional Nenets culture, in particular, changes in the ceremonies of the life cycle (wedding and maternity ceremony), as well as interethnic marriages associated with intensification of industrial development of the Nenets traditional territories.

Key words: traditional culture, female space of a culture, gender approach, transformation, education, the Nenets, ethnic identity, status, interethnic marriages.

DOI: 10.20874/2071-0437-2017-36-1-110-117

REFERENCES

- Burykin A.A., 2002. Nekotorye problemy sotsiokul'turnogo razvitiia malochislennykh narodov Severa RF v svete gendernogo podkhoda [Some of the problems of social and cultural development of the indigenous peoples of the Russian North in terms of the gender perspective]. *Rasy i narody*, no. 28, Moscow: Nauka, pp. 188–213.
- Khariuchi G.P., 2001. *Traditsii i innovatsii v zhizni nenetskogo etnosa* [Tradition and innovation in the life of the Nenets ethnos], Tomsk: Izd-vo TGU, 228 p.
- Khariuchi G.P., 2010. Nenetskaia zhenshchina v nauke: K voprosu ob osobennostiakh issledovaniia sakral'noi sfery [Nenets women in science: On special features of the study of the sacred sphere]. *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 3, pp. 44–53.
- Kvashnin Iu.N., 2002. Etnodemograficheskaia kharakteristika naseleniia larsalinskoj sel'skoi administratsii lamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga [Ethnic and demographic characteristics of the population of the village administration of Yarsalinskii in Yamalo-Nenets Autonomous District)]. *Problemy vzaimodeistviia cheloveka i prirodnoi sredy*, Tyumen: IPOS SO RAN, pp. 47–50.
- Kvashnin Iu.N., Volzhanina E.A., 2003. Nekotorye aspekty etnicheskikh protsessov u korenного naseleniia nizov'ev r. Nyda [Some aspects of ethnic processes in the indigenous population along the lower reaches of the Nyda river]. *Problemy vzaimodeistviia cheloveka i prirodnoi sredy*, Tyumen: IPOS SO RAN, pp. 82–85.
- Liarskaia E.V., 2010. Zhenshchiny i tundra: Gendernyi sdvig na lamale? [Women and tundra: A gender shift in Yamal?]. *Antropologicheskii forum*, no. 13, pp. 3–38.
- Nerkagi A.P., 2007. *Etnicheskaia shkola: (Materialy iz opyta raboty semeino-rodovoi etnicheskoj shkoly f. Laborovaia Priural'skogo raiona)* [Ethnic School: (Materials from the work of Laborovaya family and tribal ethnic school in Priuralsky district)], Salekhard: GOU DPO IaNOIPKRO, 38 p.
- Popova A.G., 2004. Zhenshchiny Severnykh men'shinstv: Mezhdru stoibishchem i gorodom [Women of Northern minorities: Between a nomad camp and a city]. L.I. Vinokurova, A.G. Popova, S.I. Boiakova, E.T. Miari-kianova. *Zhenshchina Severa: Poisk novoi sotsial'noi identichnosti*, Novosibirsk: Nauka, pp. 163–187.
- Volzhanina E.A., 2010. *Etnodemograficheskie protsessy v srede nentsev lamala v XX — nachale XXI veka* [Ethnic and demographic processes among the Yamal Nenets in the XX century — beginning of the XXI century], Novosibirsk: Nauka, 312 p.